

Магритт Рене

21.10.98

КУЛЬТУРА
1998. - 15 - 21
окт. - с. 10

Большой художник “маленького человека”

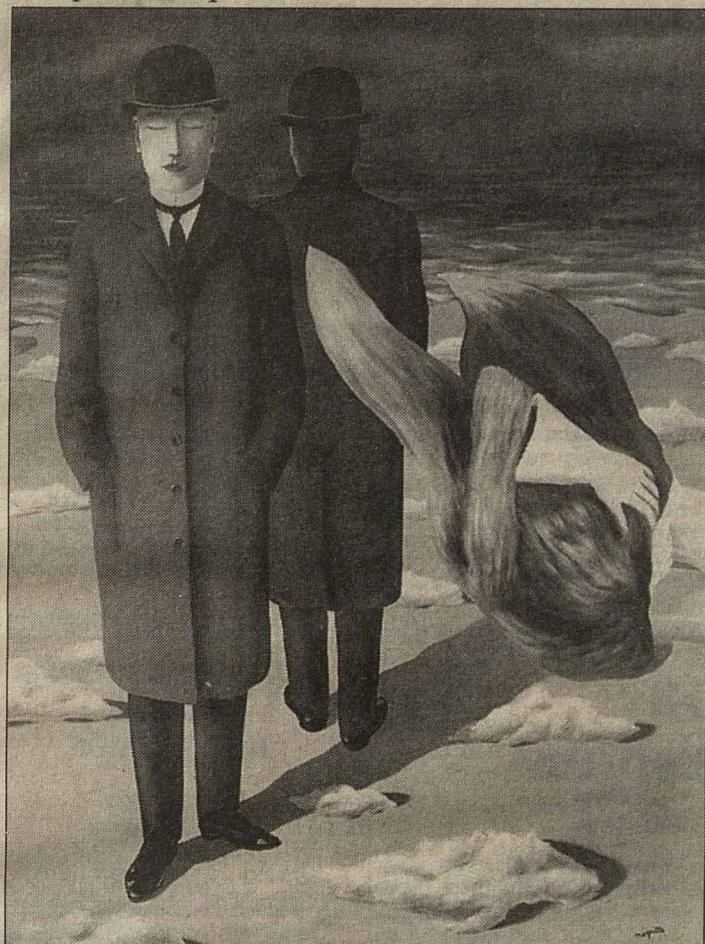
Магритт в Эрмитаже

В Эрмитаже большая (около 30 работ) и весьма представительная выставка Рене Магритта. До этого первый и последний раз его работы привозили к нам в сакраментальном 37-м году – Магритт, как большинство сюрреалистов, был левым и временами даже коммунистом. Что вполне понятно и в карьерном, и в идейном плане – авангардный художник должен быть антибуржуазен, а во Франции это, как правило, значило быть левым. Занятно, что для рядового советского интеллигента именно сюрреализм казался самым соблазнительным из всех запретных плодов загнивающего модернизма. Иллюзия тайны, свежий по тем временам (после кубизма-то) эротизм и назойливая интимность казались высшим и последним достижением художественного интеллекта.

Вшивый, как известно, мечтает о бане – сюрреализм, как ни крути, толковал “о психическом”, то есть о том, чего у официального “совка” как бы и не было. В живописных ребусах виделось что-то щекотно-приятное, в то время как русско-советское понятие о “душевных расстройствах” сводилось к реальной тюремной жути “палаты № 6”. Словом, случайнм ветром занесенные репродукции с картин Магритта – конверты грампластинок, журнальные обложки и театральные плакаты, где пальцы ног прорастали сквозь туфли, а из куска ветчины приветливо глядел человеческий глаз, – производили на простодушных поклонников неизгладимое впечатление.

Простодушные тут, наверное, – ключевое слово. Магритт писал в нарочито старательной, скованной, как бы неумелой манере, почти достоверно воспроизводя действия самоучки, решившего поведать “о главном”. В отличие от большинства коллег-сюрреалистов, ему хватило сил в довольно раннем возрасте отвергнуть достижения живописи (он этим ремеслом владел, хоть и не блестяще) ради “смысла”. В те годы фрейдизм стал чем-то вроде религии интеллектуалов и успешно двигался ими в массы. Дали, самый шустрый из сюрреалистов, домогался благословения самого патриарха (не добился – Фрейд считал его шарлатаном).

Литератор (как сейчас сказали бы – концептуалист) Магритт писал “понятно для народа” – приемами наивного “таможенника” Руссо пересказывал примеры из пособий по психоанализу. Возможно, тут помогла практика рекламного дизайнера: большую

Р.Магритт. “Смысл ночи”. 1927 г.

часть жизни Магритт нуждался (по западным, разумеется, понятиям) и был вынужден зарабатывать. Рекламные ходы перетекали в картины, картины, в свою очередь, использовались для рекламы. Особого питета перед своими творениями художник не испытывал: картины писались быстро, как на конвейере (проект-эскиз-изготовление), но с безуокружненным соблюдением формального рыночного качества. Если какой-нибудь сюжет продавался хорошо, художник беззастенчиво делал копии-варианты. “Владычество света” – над темной улицей с электрическим фонарем ясное дневное небо – он толкнул, кажется, шестнадцать раз. (Изначально сюжет принадлежит “божественному гению” Чонтвари, художнику-символисту начала века, насточенному, в отличие от сюрреалистов, безумцу). Такая странная смесь агрессивной наивности, шарлатанства и коммерческой смекалки, несомненно, делают Магритта одним из законнейших

отцов поп-арта – недаром настоящий успех пришел к нему только в начале 60-х. А до того маленькие картины за маленькие деньги. Но много.

“Если хочешь понять траву – стань травой”, – писал итальянский философ Бенедетто Кроче, современник художника. И наоборот. Навязчивый персонаж Магритта, его alter ego в котелке и рединготе, почти без лица, чаплинский “маленький человек”, лишенный комизма и обаяния, но снабженный анонимным благообразием. Коммунист, поэт и мыслитель Магритт сам был таким – работающим, порядочным, преданным своей католичке-жене обычвателем. Он, несомненно, очень хорошо понимал своего клиента, но здесь тот случай, когда понимание не становится ненавистью, не становится и любовью – а только отчуждением, тихой, терпеливой тоской.

Марина КОЛДОБСКАЯ

Санкт-Петербург